

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С. Ю. Витте на тему:
«Шеринг-экономика и ноономика». Стенограмма
(05.02.2020 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С. Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор;

А.И. Колганов – профессор кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова, д.э.н. (дистанционно).

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Мы говорим об изменении социально-экономических отношений вообще и отношений собственности – в частности, в связи с развитием новых технологий и движения в направлении к новому индустриальному обществу второго поколения и далее – к ноономике. И в частности – о процессе, который на русском языке не имеет четкого имени, в английском имеется имя sharing economy. В русском определении какое-то двусмысленное слово получается. Или бессмысленное, я не знаю.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Многозначное, я бы сказал.

АВБ. Или многозначное.

СДБ. Многозначное – и бессмысленное, если напрямую читать, получается нечто вроде «обменной экономики» или «разделенной экономики». Но на самом деле – многозначное, здесь очень много связанных между собой вопросов. У нас это называют экономикой совместного владения, экономикой совместного пользования и даже экономикой совместного потребления. И они все друг друга

взаимодополняют, если так, по большому счету, смотреть. Более того, надо понимать, что она родилась не на пустом месте. И не сейчас. Первое: экономика совместного пользования – это не изобретение последнего времени. Она существует очень давно, с незапамятных времен. И с тех времен, как родилась экономика, в ней всегда присутствовали элементы экономики совместного пользования. Почему? Потому что экономически это выгоднее, чем экономика частного пользования, чаще всего. В тех нишах, где такая выгода есть, там, конечно, она никогда не умирала, а иногда и процветала. В разные времена ее пытались подстегивать разными способами во имя как экономических выгод, так и неэкономических каких-то целей, скажем, для реализации неких неэкономических идей.

Я не буду углубляться в древние времена, когда понятно, что такое «экономика» совместного пользования – вместе убивали мамонта, загоняли, и потом вместе обгладывали. Но при этом распределение шло – кто первый и крупнее, тот обглодал главную кость. А остальным – что достанется. А те, кто без кости остался, скорее всего...

АВБ. ...проигрывали в естественном отборе.

СДБ. Да, такой проигрывал «экономически», имея меньше прав, потом физиологически, и еще потом – исчезал с поляны. Здесь очень важный и тонкий момент – перехода добычи из общей совместной собственности в частные руки, по частям, позже – полностью и т.д. Такой переход был неизбежен почему? Потому что обладание в форме собственности позволяло более гарантированно удовлетворять потребности. С развитием экономики росла и потребность в сохранении «за собой» ресурса на более длительный период, и все с большей гарантией использования его в нужный момент. Собственность, как говорят политэкономы, есть форма присвоения экономических ресурсов и предметов потребления. Это еще и отношения людей по аспектам, связанным с институтом собственности – по поводу владения, присвоения, распределения, использования, распоряжения... Допустим, если мы возьмем более близкое время, то – общинность, которая была, в какой-то мере, совместным пользованием, общинная собственность, но – да, и совместное пользование. И семейная собственность – из этого же

ряда. Потому что семья – экономическая ячейка, вполне себе понятная. Экономика семьи – это значительная часть экономики как производства, так и потребления. Соответственно, здесь тоже появились некие такие вещи, которые потом, со временем, разделяли использование совместной собственности, пытаюсь его как-то выделять. Это личная собственность, это – частная собственность, которая регулировалась законодательными уже уложениями, разными актами и прочим. Кто кому наследует, кто у кого чего принимает. Кто является кем по отношению к имуществу, у кого какой набор прав/полномочий в отношении собственности. Кто вкладывает в эту собственность что-то свое индивидуальное, а кто – не вкладывает. И т.д. У нас вопросы собственности закреплены Конституцией, а потом целые тома Гражданского кодекса расписывают их детально.

АВБ. Сергей Дмитриевич, я на секунду бы Вас прервал и обратил внимание на то, что общинная собственность – это феномен, который часто недооценивается. Ведь ему тысячи лет...

СДБ. Конечно.

АВБ. И он был очень популярен. И более того, он воспроизводится до сих пор во многих странах мира, мы просто привыкли жить, ориентируясь на то, что есть Западная Европа и США. Но если мы включаем в орбиту внимания....

СДБ. ... весь мир...

АВБ. ...Индию, Латинскую Америку... Я уж не говорю про Центральную Африку. И вспоминаем историю России, где община была сильна вплоть до начала XXI века.

СДБ. Я именно это имел в виду.

АВБ. Да, мы видим это явление везде. И я уже не говорю про семью, которая является едва ли не внеисторическим феноменом последних тысячелетий.

СДБ. Да, да, вот в этом плане я думаю, что история сия очень древняя. И формы такой собственности, экономики совместного пользования, с историческим развитием тоже претерпевали разнообразные видоизменения. Наиболее популярными формами были кооперационные формы, они были особенно широко распространены у нас в советское время. Но – не только в СССР и странах соцлагеря, это заблуждение.

Андрей Иванович Колганов (АИК). Да, это так. Вспомним хотя бы Мондрагонскую группу кооперативов в Испании, показавшую хорошую эффективность. Или можно привести пример другой формы, более сложной: например, опыт создания и развития акционерной собственности работников; наиболее известная и продвинутая в этой области программа – ESOP, Emoloyee Stock Ownership Plan, или План рабочей акционерной собственности. И т.д.

СДБ. Да, я знаю, что Вы еще в начале 90-х годов прошлого века детально описали эти опыты в одной из своих книг. И эта тема никуда, оказывается, не ушла. Некоторые коллеги утверждают, что они, эти формы, до сих пор имеются в разнообразном виде. И даже настаивают на их развитии. Вплоть до того, что должно быть некое юридическое оформление, более жесткое и более целенаправленное. И развитие, поддержка государства и сейчас должна быть у нас, в частности. Вот у меня есть книга. Я совершенно ненароком, сегодня утром, зайдя в кабинет за пару часов до Вас, с удивлением обнаружил у себя на полке вот эту книжечку. Вот она здесь стояла.

АВБ. Как интересно.

СДБ. Да. Книжка называется «Коллективная форма хозяйствования в современной экономике». Монография, изданная ЦЭМИ, группой докторов наук под руководством профессора Г.Б. Клейнера. Казалось бы, где ЦЭМИ, а где – колхоз?..

АВБ. Да, мы даже с Андреем Ивановичем имели некоторое отношение к материалам для этой книги...

СДБ. Оказывается, она написана, эта монография, очень даже к месту и подробно расписывает преимущества коллективных форм хозяйствования в нынешних условиях. При этом она четко выделяет важные преимущества такой формы хозяйствования – да, более высокую экономическую эффективность, но и более высокий уровень согласования интересов владельца и работника/пользователя. Это – важно. Но в книгах – и этой, и многих других – я не нашел ясного ответа на вопрос, почему эти формы не исчезают. Более того, с развитием технологического прогресса они видоизменяются и активно расширяют свое пространство в экономике. Только ли по

указанным причинам? Я почитал эту книжечку, точнее, за пару часов не почитал, но, сказал бы, очень подробно, с карандашом, пролистал. И посмотрел, что здесь такое важное. И понял, что всё, что здесь дано, оно каким-то «боком», какой-то частью тоже поддерживает общую идею развития экономики совместного пользования. Хотя об этом здесь ни слова нет. Но зато здесь, в конце книги, в самом конце книги – последняя фраза, она достойно завершает эту книгу. «Коллективное предприятие – это ростки будущего инструмента гармонизации отношений членов общества, государства и бизнеса». Здесь коллеги из ЦЭМИ были настоящими провидцами. Насчет ростков будущего. Я бы только сказал, что не столько именно коллективное предприятие, сколько различные формы экономики совместного пользования/потребления, которые будут адекватны тем состояниям развития экономики, которые она будет поэтапно проходить в процессе продвижения к новому индустриальному обществу следующего поколения. Это – каждый раз ростки будущего. В силу своей адекватности трендам развития общества в переходную эпоху. Вот в этом как раз и элемент гармонизации, или фактора гармонизации. Или, может быть, инструмент, как они говорят, «гармонизации отношений членов общества, государства и бизнеса». Я бы подчеркнул, что – общества в целом и членов общества, потому что интересы общества, как мы с Вами это обсуждали раньше на одном из коллоквиумов ИНИРа, есть именно интересы общества, а не отдельных его членов, их отдельно нужно рассматривать.

И есть еще одна мысль в этой книге, которая тоже интересная, она говорит о чем? О том, что, может быть, они и не собирались сказать, наши ученые из ЦЭМИ. Но сказали – возможно, сами не придав этому особого значения, но отметили, потому что это правда. Значит, это фраза примерно о том, что использование метода коллективного хозяйствования – это одна из форм реализации принципа самоуправления на предприятии. Эта фраза постулирует тезис, который верен, но вроде к нашей сегодняшней теме не имеет отношения. Но дальше читаем, что эта форма предприятия предполагает значимые масштабы участия работников в его собственности. Собственность. Вот корень.

АВБ. То есть они не могут не затронуть проблему собственности и этого способа управления, так сказать, этой собственностью.

СДБ. Когда мы говорим о шеринговой экономике, другой форме экономики совместного пользования, там тоже человек использует собственность, управляет ею в какой-то элемент времени, то есть она используется коллективно. К примеру, в той форме, как это было в советском колхозе, – это были законоуложения плюс правила принятия решений в колхозе (например, распределение результатов по трудовням). На их основе осуществлялось управление собственностью в целях удовлетворения потребностей. А использование собственности в современной шеринговой экономике методологически осуществляется по тем же принципам: условно говоря, есть правила шеринга, есть устав у шеринговой компании. Для примера, каршеринг. Есть правила каршеринговой компании, а есть еще правила дорожного движения, правила гражданского законодательства, Уголовного кодекса. Есть, наконец, пользователь, его собственное представление о том, как рулить этим автомобилем. И это все вместе накладывается на идею, которая называется управление этой собственностью в данный, конкретный момент. Для удовлетворения потребности в данный момент. Соблюдая все эти нормы.

АВБ. Я рад, что Вы обратили внимание на этот аспект, потому что он, с одной стороны, оставался долгое время маргинальным, но всегда присутствовал, этот вопрос, об экономике солидарности, ассоциированной экономике, коллективной экономике. Но, Вы правы, традиционно, действительно, это ассоциировали с колхозом, где все по трудовням, во главе секретарь парткома, идиотский райком и...

СДБ. Колхоз – это даже не форма, а видовое разнообразие коллективной собственности, да, но выраженное в конкретном, формализованном варианте, в виде какого-то, значит, законоустановленного, некоего способа реализации функционала этой коллективной собственности. Здесь есть элементы и управления, элементы разделения собственности, элементы отчуждения собственности, здесь многие элементы, которые присущи экономике совместного пользования.

АВБ. Вот то, что касается шеринга, вы абсолютно правы, это новый тренд, и он во многом связан с технологическим прогрессом и с изменением социально-экономических условий...

СДБ. Я бы сказал, Александр Владимирович, абсолютно Вы правы...

АВБ. Это я Вашу мысль формулирую...

СДБ. Но я бы дополнил, что с модернизацией экономики в процессе новой технологической революции процесс развития шеринга как совместного пользования/потребления пошел галопирующими темпами. Бизнес, который имеет своей базовой моделью шеринг, бьет рекорды и роста (и абсолютно, и по доле в экономике), и капитализации. Вот у меня есть информация статистическая, что за последние десять лет в шеринг-проекты новых форматов в мире вложено более 20 млрд долларов инвестиций венчурного типа. На конец 2019 года совместная капитализация только двух крупнейших биржевых шеринг-компаний (Uber и Lyft) достигла 66 млрд долл. И по объему рынка – тоже ускоряющиеся и невиданные темпы: пять лет тому назад весь рынок шеринг-услуг оценивался в 15 млрд долл., к 2025 году его объем составит примерно 335 млрд долл., а к 2035 году, по оценке PWC, составит не менее 600 млрд долл. И драйвером такого развития выступают новые цифровые технологии, которые позволяют использовать эффективнее преимущества такого типа использования/владения собственностью (экономическую эффективность, более низкую затратность, возможность отказа от значительной части обязательств, навязываемых собственностью ее владельцу, повышение мобильности и доступности услуги и т.п.). По тем же данным, три четверти американских граждан уже пользуются услугами таких компаний. И у нас есть показательные примеры – практически четверть населения уже получила доступ к таким сервисам, а развитие шеринговой экономики в России идет вдвое быстрее, чем в ЕС. В 2019 году объем рынка шеринг-сервисов у нас уже превысил 0,75 трлн руб., это вполне верифицированные данные Российской ассоциации электронных коммуникаций.

Вообще, всякий раз заметно: экономика развивается, а вместе с ней – и экономика совместного пользования развивается, под воздействием изменений материальных,

изменений в материальной основе общества. Изменения формы отправления экономических отношений, связанные с первоначальными изменениями в материальной основе, то есть технический прогресс и, соответственно, влияние его на другие формы обмена, распределения и т.д., т.п. и производство, и прочее.

Как это вписывается в теорию ноономики? Мне кажется, совершенно железно. Вот сейчас возьмем такой пример: президентом России поставлена задача – рост экономики в целях повышения жизненного уровня населения. И, собственно говоря, он указывает как – через технологический прогресс. Президент ведь не зря подсказывает: главная задача – социальная, расширение возможностей удовлетворения растущих потребностей людей. И призывает при этом – что? Развивать технологическое пространство! Почему такая связка? Правильно, потому что человек – это его потребности, физические, духовные. Они удовлетворяются экономикой через материальное производство, каковое у нас надо модернизировать. А это надо реализовывать через переход к новому техукладу. А в нем главный ресурс – знание, а базовые технологии – цифровые, инфокоммуникационные (кстати, мне кажется, что именно из этой логики вытекает требование и времени, и президента, о необходимости ускорения цифровизации; она даст еще и ускорение темпов экономического роста как технология, «убивающая» в экономике структуры и услуги-посредники («едоки времени и денег»), что сильно уменьшает затраты времени и средств на удовлетворение потребности (на «путь» затребованного продукта/услуги от производителя к потребителю), и расширение "ассортимента» (улучшение структуры этого роста, в т.ч. – предоставление возможности усилить социальные направления, соцкомпоненту ВВП (медицину, образование, креатив), и искомое повышение на этой основе уровня жизни населения (и «количественно», и «качественно»); а это и есть не просто рост, а именно развитие). Таким вот образом – через технологический прогресс, модернизацию экономики может быть достигнут переход, с наименьшими издержками, к новому состоянию и экономики, и общества. И ноономика как базовая идеологическая и научная

концепция-платформа становится научным фундаментом этого движения в развитии нашего общества. При этом технологические достижения нового техуклада меняют формы отношения к собственности в смысле использования ее для удовлетворения потребностей. Шеринг-экономика – одно из таких проявлений. Кстати, ее развитие как формы постепенного «отказа от собственности» подтверждает и тезис ноономики о снижении ценности собственности в процессе перехода к новому индустриальному обществу следующего поколения и ноообществу. Отмечу также мимоходом, что косвенно такое развитие событий подтверждает еще один ноотезис – о снижении роли государства в ходе такой трансформации. Ведь власть и собственность – коррелируемые понятия. Вплоть до того, что это – одно и то же. Собственность – это набор прав в отношении чего-либо, требуемый для достижения предельно максимальной возможности удовлетворения потребностей. Например, в отношении предмета, инструмента, знания. Подставьте в это «уравнение», в этот список, человека – получите власть над человеком (вспомните рабовладение, затем – феодал, крепостное, демократос). Отсюда и следует вывод: государство-властелин-собственник «подданных» будет, как и прочие типы отправления функций собственности, редуцироваться. Но это – понятно, длительный исторический процесс.

АИК. Очень интересно. Но к голосам скептиков я бы тоже прислушался – не с точки зрения их «правоты», а с точки зрения живучести частно-собственнических стереотипов. Человек, который вполне вмещает в свое сознание нормальность ситуации совместного владения фирмой, к примеру, не может принять, совместное владение жильем (коливинг, современное «общежитие» развиваются медленнее других шеринг-форм). И эти стереотипы будут реально замедлять развитие шеринговой экономики.

СДБ. Но остановить не смогут.

АИК. Да, остановить не смогут. Есть еще и реальные ограничения в сфере бизнеса, когда индивидуальное распоряжение офисом необходимо, например, для охраны коммерческой тайны, возможности быстро менять график работы, контролировать персонал и т.п. Так что я не жду в этой

сфере быстрого переворота, хотя тенденция, несомненно, будет нарастать.

СДБ. Согласен. Только – один нюанс, который надо бы учитывать: развитие всё того же технологического прогресса. Оно ведь дает эффекты и по другим «линиям», и все они будут подстегивать усиление темпов перехода к адекватным формам экономики – типа шеринговой, например. Вот посмотрите – с развитием технологий пятого-шестого укладов возрастает «параллельно» не только снижение ценности собственности, но и открытость общества, и та же прозрачность и бизнеса, и всей жизни. И тогда будут скоро не нужны ни защита бизнеса, ни охрана коммерческой тайны. Которые тоже, кстати, есть формы отправления собственности.

Вот они, эти вещи, как раз и влияют. Появляется инструментарий реализации новых форм «взаимоотношений» с собственностью – развиваются и адекватные формы. Поэтому колхозы тоже появились тогда, когда появился инструментарий соответствующий. Не было бы смысла в колхозе, если бы не было соответствующего инструментария, от технологий (там, трактора, сельхозагрегаты для обработки крупных массивов земли, выращивания стад большого поголовья и т.п.) до предприятий по их эксплуатации – например МТС, что-то еще такое. Были и другие формы коллективного использования, суть в том, что одну МТС много колхозов использовало. Мой отец был начальником МТС, я прекрасно знаю, как это заказывалось, как это все делалось, и как эти трактора, сеялки-веялки, которые нужно ремонтировать, ремонтировались, как распределяли людей по заказчикам, сам работал. Поэтому я это все испытал на себе и понимаю с практической стороны, что это такое, вот такая форма коллективного пользования. Но на селе есть и другие формы коллективного пользования. К примеру, межсемейные связи, межсемейные отношения экономические, которые, казалось бы, вроде того, мелочь, но они продолжают приносить некие плюсы в экономику в целом. Например, сосед, у него есть лошадь в крестьянском хозяйстве, но он вспахал свое поле и лошадь ему больше не нужна. А затраты на нее продолжают оставаться. Что делает добрый хозяин? Он пашет соседу, другому, третьему, четвертому. Или известнейшая в сельском хозяйстве ситуация –

решили вскопать огород. Есть пять человек, а три лопаты. Пойдем у соседей возьмем две лопаты. Вскопали огород, отдали соседям, бутылку поставили. Рассчитались, экономика, понимаете?

АВБ. И вместе её выпили.

СДБ. Да, может, и вместе выпили, это уже потребление, да. Коллективное.

АВБ. Совместное.

СДБ. Да, и вот это. Или там, например, сбор урожая, обычно собираются все. А во многих местах – стройка «гуртом», обычай такой, толока – известная вещь, когда вместе строили что-нибудь. Это всё элементы, которые существуют давным-давно, но они не могли появиться без определенного инструментария. Поэтому всякий раз уровень экономического благополучия, который достигался за счет технологического прогресса, именно он позволял применять и развивать те или иные формы, в том числе экономики совместного пользования. Сегодняшний уровень, если мы говорим об этом, – он, этот уровень, позволяет нам говорить о том, что экономика совместного пользования приобрела некие новые краски и новые формы. Новые формы – это шеринговые формы, ко-формы. Например, ко-ливинг тот же. Карпулинг, краудфандинг, Airbnb, коворкинг, информационные шеринг-платформы (к примеру, Avito), апарт-отельный бизнес, поп-ап стор (краткосрочная аренда помещений), модель партнерства в e-commerce (например, у Amazon 75 тысяч водителей-партнеров, и 80% заказов выполняется именно через них), разнообразные модели проката дорогостоящего оборудования, стафф-шеринг (аренда персонала на время) и многое другое. Но – еще раз подчеркну: все это стало возможным только в условиях нового технологического уклада, предоставляющего инструментарий для реализации идей шеринг-экономики.